

ХОРОВОД МУЗ

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ДОГМЫ И ИСТИНЫ

Варшавский театр «Польски» в рамках Дней польской культуры в СССР, посвященных 45-летию образования ПНР, показал в Ленинграде два спектакля: «Дерево» В. Мысливского и «Вацлав» С. Мрожека. Разные по стилистике спектакли продемонстрировали высокую культуру театра, имеющего давние традиции. Основанный в 1913 году, он всегда отдавал предпочтение современной национальной драматургии, не изменил этой традиции и по сей день. Ныне театр возглавляет Казимеж Деймек, чью отточенную режиссуру мы могли оценить в обоих спектаклях вкупе с превосходным актерским ансамблем, в котором немало звезд польского театра и кинематографа.

Драма «Дерево» для сценического воплощения нелегка. Это философско-эпическое повествование о человеческом бытии, о вечных вопросах, которыми люди задаются во все эпохи. В спектакле достигается редкая гармония бытового и надбытового, библейской мудрости и площадного остроумия, реализма и абсурдизма, необходимых для воссоздания широкой панорамы жизни. А сама народная стилистика, замечательно переданная в сценографии Я. Полвека, подчеркивает центральный философский образ, воплощенный в могучем дереве. Это древо жизни, на котором люди — ветви и листья, выполняющие свое предназначение на земле, подобно прародителям — Адаму и Еве. Бытовой срез спектакля углубляет его философский смысл. На дереве взобрался упрямый старик, и никакие силы не могут заставить его спуститься — ни представитель официальной власти Милиционер, ни носитель прогресса Инженер, ни образцовый Пожарный... Старик, именуемый драматургом Вольтышником, становится как бы дирижером человеческого оркестра, проходящего под деревом. И. Маховски — Вольтышник сочетает в своем герое философичность и балагурство, поэтичность и озорство. В одной из сцен к нему является давно умершая, оставшаяся навсегда молодой женой (Р. Пенкуль). Прекрасен этот мощный образ — умудренный жизнью, невзгодами и радостями, состарившийся Адам и юная Ева, мать, вечное продолжение жизни. Полноправный герой спектакля — музыка, веселая и трагическая, звучащая как пляска и как реквием. Высочайшего накала действие достигает во время шествия музыкантов. Они — гости из полустороннего мира — не касаются своих инструментов, но струны звучат, и мы наслаждаемся неземной, божественной музыкой. Это оркестр мира, творящий музыку жизни...

Кажется, что «Вацлав» Мрожека поставлен не К. Деймек и актеры в нем заняты совершенно другие. И тем не менее — это Деймек и те же актеры, в ансамбль которых вошел блистательный Я. Энглерт.

Спектакль решен в жанре интеллектуального балагана, где главным героем является Вацлав. Мы не так давно обратились к драматургии С. Мрожека, и увиденный в этом спектакле Мрожек нам пока еще неизвестен. Он предстает крайне язвительным, безжалостно попирающим прежде незыблемые, казалось, неподдающиеся пересмотру истины. «Зачем нужна свобода?» — в разных вариациях вопрошается

в спектакле. И в разных вариациях звучит ответ: «Надо подумать».

Вацлав выброшен на берег неведомой страны волнами неведомого моря. Но принципы этой страны влитаны нами с молоком матери: «Свобода, Равенство, Братство». Как же они воплощаются на деле? В возникшей дискуссии пестрой чередой проходят жертвы и кровопийцы, вожди, идолы, интеллектуалы, представители народа, воплощенные то в пасторальных пейзажах, то в виде двух весьма сметливых мужичков — Мацея (В. Голас) и Перепелки (Б. Баер). Я. Энглерт сочетает в своем герое природный здравый смысл, незаурядный ум, обаяние, мужскую неотразимость с подлостью, продажностью и поразительной способностью мимикрировать. Плебей и неимущий, Вацлав, казалось бы, по праву провозглашает священные принципы Великой Французской революции, декламируя их, на всякий случай, на мотив «Марсельезы». На него, простолоудина, выпадает миссия показать народу Справедливость. На самом деле ее зовут Юстына (Л. Лонч), и родилась она в философской голове Гения (А. Шипковский). И если громовержец Зевс породил Афину Палладу, то в бедной голове Гения родилась всего лишь очередная догма. В век Вацлава и громких лозунгов Справедливость из непорочной девы превращается в продажную девку, которую ее родители научили дешевому стриптизу (образ, встречающийся неоднократно у Мрожека). Здесь драматург пошел дальше. Допущенный на стриптиз народ должен выложить денежки, ибо за Справедливость надо платить.

Спектакль по-настоящему театрален. «Весь мир — театр», но театр Мрожека — Деймека — прежде всего политический, что подчеркнуто сценографией К. Панкевича. Откровенно рисованные декорации и эффектно набегающие волны моря, приводимые в движение ручным способом, как это имеет место на театре не одно столетие. И лицедейство маскарадных пейзажей, прославляющих своих кровопийц, и лепсу отрекшегося от знатных родителей-кровопийц Юзека (Д. Даменецки), и ерничество Вацлава — пародия на всех нас, на нашу часто как бы нарисованную жизнь, в волнах которой мы барахтаемся, пытаясь найти точку опоры. Мы зачастую достойны такой участи, ибо политической трезвости предпочитаем шумный балаган. Политика же должна делаться чистыми руками, ибо за наши неуемные страсти приходится расплачиваться слишком дорогой ценой, что доказал Вацлав, оказавшийся в финале голым и сирым на том же берегу моря, волны которого могут весьма быстро сомкнуться над его нелуцетовой головой.

Я. Энглерт, сочетающий в себе актера, режиссера и ректора Высшей театральной школы в Варшаве, считает, что польский театр ныне пребывает в кризисе. Гастрольные спектакли театра «Польски» говорят, что театр жив и не только прошлым. Питательная почва его — современность во всем ее многообразии и противоречиях.

Галина КОВАЛЕНКО